

«МЫ ЖИВЕМ НЕ «ТАМ» или «ЗДЕСЬ», А ПРОСТО В МИРЕ...»

**Владимир
Николаевич
ВОЙНОВИЧ
и его жена
Ирина
Даниловна**

Фото
Сергея
ПАРУШКИНА

— Владимир Николаевич, начиная наш разговор, хотелось бы спросить, как воспринимается контраст между жизнью на Западе и у нас после того, как вы получили возможность вернуться в Россию?

В. Н. Я привык к этому контрасту. Для меня это как смена пейзажа: например, побыв немного в городе, я попадаю в полосу стресса, но в 89-м году, когда я в первый раз приехал, для меня этот контраст был существенным и эмоциональным. Когда я живу в Мюнхене, начинаю скучать по здешнему — по всему: по беспорядку, по грязи, по всем деталям и подробностям жизни. Приезжаю сюда — то же самое, надоедает очень быстро.

— Отличается ли чем-нибудь здешняя жизнь на бытовом уровне, чувствуется, что ты вдали от родины, в атмосфере чужой земли?

В. Н. Я не знаю, знакомы ли вам стихи «Тоска по родине — давно разоблаченная морочка» Цветаевой, достаточно сильные, на мой взгляд, которые прекрасно выражают настроение эмигранта: это полная оторванность от родного, жизнь только в чужом языке, только в чужой культуре, без надежды на возвращение, без надежды как-то повлиять на ход событий той страны, в которой родился и вырос. Но я был на Западе не один — мне всюду сопутствовала моя жена, Ирина Даниловна. У нас есть дочь, которая просто выросла в Германии, закончила там школу...

— В связи с этим позвольте задать вам вопрос: что такое женщина в жизни писателя? Я думаю, например, с Мариной Цветаевой мужьям было бы не так просто...

В. Н. Да, конечно. Я всегда в жизни любил нормальных женщин, обладающих обычным женским инстинктом, обаянием и нормальным отношением к жизни. А Цветаева, скажем, великая поэтесса, но я бы не хотел быть ее мужем. Ее любовь была ущербна во многих отношениях.

— Что значит «ущербна»?

В. Н. Дело в том, что в браке и мужчины и женщина по отдельности как бы полуфабрикаты. Неправильно, когда в семье каждая сторона упорно отстаивает свою целостность. Необходимо, чтобы муж и жена дополняли друг друга, а если они невероятно индивидуальны, то им просто трудно, выходит, они не нуждаются друг в друге.

— Вы можете представить себе идеальную жену?

В. Н. Идеальная жена — это женщина, которая создает в доме обстановку покоя и отдохновения. Но, я думаю, Ирина Даниловна лучше смогла бы ответить на этот вопрос.

И. Д. Это очень трудный вопрос, на самом деле, имеющий свою, я бы сказала, предысторию. Думаю, всем известна судьба Софьи Андреевны, жены Толстого. Это классический пример, но отношение к нему сейчас очень разное. Мне кажется, что жена писателя сама прежде всего должна быть человеком. Мне совсем не импонирует ситуация, когда женщина — просто «жена писателя», как правило, это кончается трагически. Ей необходимо прежде всего быть индивидуальностью.

В. Н. А я сказал, что каждый должен быть половинкой личности...

И. Д. Ну конечно, у нас с тобой есть ряд противоречий, как у любых людей, и ты никакая не половинка, а, я бы сказала, полтора или два, во всяком случае.

В. Н. Ну лучше четное число. (Смеется.)

И. Д. Я считаю, что каждый человек должен быть личностью, индивидуальностью, а писатель еще и особенно нуждается в помощи, понимании. Жене писателя нужно любить и ценить его творчество. В моем понимании всякий брак, а тем более брак писателя, — это сосуществование двух личностей.

— То есть только при этом условии образуется то, что мы именуем «семьей»?

И. Д. Конечно. Но необходимо добавить, что у семьи есть общие планы, общий бюджет, общие амбиции. Муж и жена много делают вместе, помогают друг другу, наконец, у них есть дети.

В. Н. Если человек самодостаточен, он живет один. Если у него есть потребность в том, чтобы рядом с ним кто-то был, — значит, ему на самом деле чего-то не хватает.

И. Д. Вот и я говорю, что человеку нужна любовь и связь с другим человеком...

В. Н. Нет, ты говоришь, что другой — это дополнение к тем, если можно так выразиться, качествам, которыми он сам обладает!..

— Ирина Даниловна, ваш муж — творческая личность, писатель. Часто говорят, что не приведи Бог быть родственником талантливого человека. Это так?

И. Д. Каждый человек по-своему труден,

а творческие люди — особенно. Поэтому я бы не сказала, что Владимир Николаевич совершенный ангел...

В. Н. Но близок к этому! (Смеется.)

И. Д. В общем, что-то получается... Художники действительно часто бывают сосредоточены на своем творчестве. Это, очевидно, какая-то норма. У нас есть дочь, и мы оба участвуем в ее воспитании, прежде всего духовном, значит, не полностью он на себе сосредоточен.

— Есть ли у вас «семейные» увлечения?

И. Д. Об увлечениях я бы не сказала... Но то, что у нас в семье точно есть, — это общие интересы. Искусство, литература, общие вкусы — это основа нашего брака, отчасти его причина. Мы много говорим о книгах, ходим в театры.

— Я вижу, у вас тут интересные картины...

И. Д. Да, это в основном подарки. Вот Мессерер. Это Ирина Ципачева... Мы часто посещаем выставки.

В. Н. Выставки посещаем, но на байдарках вместе не ходим. (Смеется.)

— Ваша любовь — с первого взгляда?

И. Д. Нет, я думаю, это было немаложко по-другому. Мы просто учились в одном институте, и я знала, что есть такой талантливый человек... Для меня это было постепенно. Достаточно долгая история.

В. Н. А для меня как раз с первого взгляда. Мы познакомились с моей будущей женой, когда студентами поехали на целину. Я учился после армии, был старше, а она — сразу после школы. Вот мы с моим приятелем Олегом Чухонцевым — ныне известным поэтом — на какой-то станции вышли прогуляться вдоль платформы. Вдруг встречаем группу девушек, он меня знакомит. Среди них — Ирина Даниловна, которая мне очень с первого взгляда не понравилась... И я не ожидал, что впоследствии будет наоборот.

— За что же она вам так не понравилась?

В. Н. Мне показалось, что она очень самоуверенная, важная и надменная, да еще так разговаривала снисходительно. Вот я и решил — задавала! А на целине она была поваром...

И. Д. И готовила порции щей человек на шестьдесят...

В. Н. Ей однажды здорово досталось. Там работали трактористы и комбайнеры, а они любил очень густой суп, почти как каша, словом, по-крестьянски. Мы жили в палатках. Когда выпадал снег, никто не работал, все сидели, чистили картошку. И вот она однажды сварила суп... Бригадир комбайнеров стал есть и говорит: «Що це таке?» — украинец он был. А Ирина Даниловна — девушка образованная — отвечает: «Это суп пейзаж». Тут бригадир и разразился: «А, мать твою так! Чисть сам, ешь сам, пей сам!» — и бросил ложку.

И. Д. Вообще история наших взаимоотношений была сложной, но все, как видите, завершилось благополучно.

— Ирина Даниловна, а вы думали, что ваш муж станет знаменитым писателем?

И. Д. Думала. Когда поженились, он уже был писателем известным. Надо сказать, что для меня это очень серьезно, я это очень ценю!

— И не боялись неудобств, с этим связанных?

И. Д. Неудобств сразу было много. В основном, связанных с системой, отчасти с его характером. С другой стороны, судьба писателя в этой стране никогда не была счастливой. Ни в какие времена, а уж в эти-то... Поэтому люди, бывает, сходили с ума, начи-

нали пить... Я не знаю ни одной легкой судьбы. Вот почему важна не слава, а то, что за ней стоит.

— Можно сказать, что вас чаша сия миновала?

И. Д. Нет, не миновала, у нас много чего было... Правда, с ума никто не сошел, но эмиграция — действительно тяжелое испытание.

— В каком смысле?

И. Д. И в житейском, и в психологическом, ведь западная жизнь существенно отличается от здешней. На Западе, например, уже не спросили бы так о роли женщины в жизни мужчины. Там женщина — равноправный партнер. Поэтому вернуться сюда — это вернуться в какое-то далекое прошлое, для меня по крайней мере. Здесь совершенно другие отношения, домохозяйские какие-то. Не говоря уже о чисто материальных вещах...

— И в общении с людьми это как-то ощущается?

И. Д. Да. У моей мюнхенской студентки есть русский друг. Они ходят в какие-то компании, и ее воспринимают, как она говорит, в качестве его украшения, то есть иначе, чем на Западе. Здесь другое восприятие людей — главенство мужчины во всем. Когда я, например, звоню своей подруге — жене писателя — и спрашиваю: «Как у тебя дела?» — она отвечает: «Ты знаешь, он написал такую прекрасную статью, ему звонят, ах, как хорошо он написал, как это важно!» То есть на вопрос о ее делах она отвечает рассказом о делах мужа, будто ей нечего сказать о себе самой...

В. Н. Ну что, она будет рассказывать, как она сварила борщ?

И. Д. В том-то и дело, что она не только борщ варит!

В. Н. И если ты спросишь Беллу Ахмадулину, она не скажет тебе: «Боря написал картину». Все зависит от того, насколько творческой личностью является сама женщина. Может, муж Петрушевской сварил борщ — она тоже не будет об этом говорить.

— Ирина Даниловна, как вы хотели бы, чтобы ваша дочь была похожа на вас или мужа?

И. Д. Трудно сказать. Она взяла многое от нас обоих. Но совсем другая при этом... Я думаю, у нее литературный дар и своеобразный тип юмора — от папы. Душевная нота, некоторая сентиментальность, контактность также — от меня. Но все это как-то по-другому. Хотелось бы, чтобы она переняла только лучшее.

— В свои двадцать она уже написала книгу, которая вышла в солидном издательстве?

И. Д. Она у нас из молодых, да ранних, такая вот девушка...

— Где, на ваш взгляд, предпочтительнее будущее вашей дочери — здесь или на Западе?

И. Д. Вы знаете, я ее будущего просто не вижу. Она выросла там, ее первый язык — немецкий, и маловероятно, чтобы она смогла жить здесь. Конечно, там она получит образование...

В. Н. В России она пока иностранка. Тот мир ей понятен, а этот просто чужд.

— Дома вы говорите по-немецки?

И. Д. Ну что вы! Только по-русски. Дочка хорошо говорит по-русски, переводит с русского на немецкий.

В. Н. Но все же примеров таких, чтобы сюда кто-то приехал оттуда жить, я не встречал.

— Но для вас самих что приемлемее — Россия или Запад?

И. Д. Нас туда фактически выгнали, и первые годы были очень трудными, их проплакала, думаю, что это понятно. Сейчас ко многому мы там привыкли, я вошла в ту жизнь. Но духовная атмосфера здесь гораздо богаче, интереснее, от этого нигде не денешься. Остается лишь радоваться, что сейчас можно жить не «там» и «здесь», а просто в мире...

Беседовала Анна МИШИНА